

ИСТОРИЯ

История античности

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 8–20.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 8–20.

Научная статья

УДК 930.1(47).081:94(37)+930.1(47).082:94(37)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**Евгений Сергеевич
Гицевич**

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
Министерство культуры Омской области
Омск, Россия, mkultomskgic@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2428-7053>

Аннотация. Статья посвящена эволюции интерпретаций политической деятельности братьев Гракхов в отечественной историографии конца XIX – середины XX в. в контексте трансформации представлений о власти в Древнем Риме. На основе анализа работ дореволюционных (Э. Д. Гримм, М. И. Ростовцев, Р. Ю. Виппер, И. В. Нетушил) и ранних советских (С. И. Ковалёв, В. С. Сергеев, А. В. Мишулин) исследователей выявляется смена методологических парадигм: от либерального идеализма и концепции капиталистических отношений в Античности к марксистской классовой теории и формационному подходу. Особое внимание уделяется расхождению в оценках аграрных реформ, трибунской власти и политических последствий гракханского движения – от попыток «спасения полиса» через возражение его социальной основы в лице мелких и средних земельных собственников, одновременно являющихся базисом для воинского набора в армию, все еще сохраняющую черты полисного ополчения, и установления монархического элемента на базе трибунала при широкой поддержке народа, создании параллельной системы управления, предположительно призванной заменить собой сенат и традиционные магистратуры, до «революционного переворота» и несостоявшейся демократии афинского типа. Показано, что отсутствие жёстких идеологических рамок и относительная «безопасность» данной темы в дореволюционной науке обеспечили плюрализм взглядов (монархическая, демократическая, тираническая трактовки), тогда как советские историки, при сохранении отдельных содержательных новаций, акцентировали классовую борьбу, кризис рабовладельческого строя и невозможность подлинной демократии в условиях развитого рабства. Источниковой базой данного исследования служат монографии, лекционные курсы и статьи историков-антиковедов двух рассматриваемых эпох.

Ключевые слова: Римская республика, Гракхи, концепция власти, дореволюционная наука, советская историография, антиковедение.

Для цитирования: Гицевич Е. С. Политическая деятельность братьев Гракхов в контексте трансформации представлений о власти в дореволюционной и ранней советской историографии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 8–20. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20>

Сведения об авторе: Е. С. Гицевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омская область, Омск, пр. Мира, д. 55; главный специалист, Министерство культуры Омской области, 644099, Россия, Омская область, Омск, ул. Гагарина д. 22.

© Гицевич Е. С., 2026

Scientific Article

UDC 930.1(47).081:94(37)+930.1(47).082:94(37)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20>

THE GRACCHI BROTHERS' POLITICAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF IDEAS ABOUT POWER IN PRE-REVOLUTIONARY AND EARLY SOVIET HISTORIOGRAPHY

Evgeny S. Gitsevich

Dostoevsky Omsk State University
The Ministry of Culture of the Omsk Region
Omsk, Russia, mkultomskgic@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2428-7053>

Abstract. The article focuses on the Gracchi brothers' political activity and the evolution of its interpretations in Russian historiography of the late 19th and mid-20th centuries within the context of the transformation of ideas about power in Ancient Rome. Based on the analysis of the pre-revolutionary (E. D. Grimm, M. I. Rostovtsev, R. Yu. Vipser, I. V. Netushil) and early Soviet researchers' works (S. I. Kovalev, V. S. Sergeev, A. V. Mishulin), the author reveals a change in methodological paradigms: from liberal idealism and the concept of capitalist relations in antiquity to Marxist class theory and a formative approach. It is worth noting the differences in assessments of agrarian reforms, tribunitian power and the political consequences of the Gracchi movement: from attempts to save the polis through the objection of its social basis in the person of small and medium-sized landowners, who at the same time serve as the basis for military recruitment into the army, which still retains the features of a polis militia, and the establishment of a monarchical element based on the tribunate with broad popular support, creating a parallel management system presumably designed to replace the senate and traditional magistracies before the social upheaval and the failed Athenian-type democracy. The author shows that the absence of rigid ideological frameworks and the relative security of this topic in pre-revolutionary science ensured pluralism of views (monarchical, democratic, and tyrannical interpretations), while Soviet historians, while maintaining certain substantive innovations, emphasized the class struggle, the crisis of the slave system, and the impossibility of genuine democracy in conditions of advanced slavery.

Keywords: Roman Republic, Gracchi, concept of power, pre-revolutionary science, Soviet historiography, classical studies.

For citation: Gitsevich, ES 2026, 'The Gracchi Brothers' Political Activities in the Context of the Transformation of Ideas about Power in Pre-revolutionary and Early Soviet Historiography', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 8–20, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20> (in Russ.)

Information about the Author: *Evgeny S. Gitsevich* – PhD in History, Researcher at the Chair of General History, Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira Avenue, Omsk, 644077, Russia; Chief Specialist at the Ministry of Culture of the Omsk Region, 22 Gagarin Street, Omsk, 644099, Russia.

Разработке вопросов, связанных с деятельностью братьев Гракхов, посвящено значительное количество исследований – от небольших статей до крупных монографий. Однако исследователи не перестают проявлять интерес к данному сюжету ввиду того, что реформы братьев были не просто весьма обширны, но самым решительным образом затронули практически все стороны жизни римского общества. Это был поворотный момент, когда все ранее накопленные социально-экономические и политические проблемы сошлись в одной точке и произвели реакцию, потрясшую основы республики. Ввиду этого подойти к исследованию деятельности Гракхов можно с множества сторон: через аграрные и социально-экономические вопросы, сюжеты политической борьбы, изменения в римской конституции, выводы колоний, предпосылки изменения состава армии и т.д. Этим объясняется и неугасаемый интерес к их исследованию, и многообразие трудов, оценок и характеристик, которые они получали в работах ученых. Более того, преобразования Гракхов стали сюжетом, в котором контрастно преломляются взгляды ученых и сопровождающий их деятельность политический контекст. Разные эпохи и разные события неоднократно заставляли историков по-новому подходить к изучению братьев-реформаторов и пересматривать ранее сделанные в науке оценки. Таким образом, исследования, касающиеся темы Гракхов, – это значительный по объему историографический пласт, уходящий корнями через советскую эпоху в дореволюционную науку. На наш взгляд, этот пласт требует систематизации и особого изучения с точки зрения трансформации представлений ученых.

Исследование того, как изменялись оценки деятельности Гракхов и их влияния на властные структуры в Древнем Риме, позволит нам глубже понять трансформацию представлений о власти в отечественной историографии в условиях смены политических режимов. Такие наработки могут быть полезны в рамках более общего вопроса о том, как осмыслились и интерпретировались властные институты в древних обществах российскими учёными в условиях радикально меняющейся социальной и политической действительности.

Данный сюжет интересен еще и тем, что для обеих эпох он является политически нейтральным. Связать борьбу Гракхов против сената со свержением самодержавия крайне сложно. В то же время оценка деятельности Гракхов не входит в марксистский канон в том отношении, что классики марксизма практически обошли их своим вниманием. Следовательно, ученые обеих эпох могли относительно свободно, не оглядываясь на внешние по отношению к науке факторы, заниматься в этом вопросе чистой наукой и формировать оригинальные выводы.

Оценки причин гракханского движения

Любое обращение ученых к деятельности Гракхов, будь то в рамках специального исследования или упоминания в ключе иной, более широкой, проблематики, не обходится без рассмотрения причин и мотивов, побудивших политиков к столь решительным действиям. Этот вопрос неразрывно связан с социально-экономическими изменениями, происходившими в римском обществе во II в. до н.э., и порождённым ими кризисом полиса (города-государства для дореволюционных авторов).

По вопросу личной мотивации Тиберия и Гая большой разницы в оценках у представителей обеих историографических эпох нет, да и быть не может, так как все они покоятся на жизнеописаниях Плутарха. Источник сообщает нам, что взор реформатора-революционера омрачили картины состояния римского крестьянства, находящегося в упадке, запустение сельской местности, бедные, разрушенные хозяйства. А также состояние римской армии, неразрывно связанной с крестьянством. Здесь отмечаются сложности ее комплектования, основанного на цензовом принципе, и неизбежное ослабление, которое Тиберий воочию наблюдал во время позорно-

го поражения Рима в Нумантинской компании. Повлияло также его просвещённое окружение. Тиберий состоял в свите Сципиона Эмилиана и, очевидно, был знаком с идеями его «кружка». Таким образом, проведением своей аграрной реформы Тиберий вознамерился спасти республику, возродив ее крестьянство и ее армию.

В большей степени разница подходов проявилась в характеристике глубинных причин, вызвавших к жизни гракханские реформы. Представители обеих историографических эпох видели их проявлением кризиса полиса, искали его истоки в социально-экономической сфере и обнаруживали в размыивании римского мелкого и среднего крестьянства, выступающего базисом города-государства.

Дореволюционные исследователи поздней республики во многом находились под влиянием концепции Э. Мейера и были склонны обнаруживать капиталистические отношения в Древнем Риме [17, с. 337]. Отсюда и проводилась прямая линия к кризису и гракханским реформам. Развитие капиталистических отношений особенно ускорилось благодаря большому потоку богатств, хлынувших в Рим в результате завоеваний Средиземноморья после Второй Пунической войны и последующей эксплуатации провинций. Здесь весьма пригодился Катон и его трактат «О земледелии», в котором автор утверждает, что земля – это лучший способ вложить и сохранить капиталы, на что прямо указывает М. И. Ростовцев [14, с. 15–16]. В то же время Э. Д. Гримм [3, с. 20] детальнее уточнил эту мысль тем, что закон 218 года до н. э. запретил сенаторам заниматься торговлей и коммерцией, следовательно, единственным способом приложения капиталов для них являлась земля. В свою очередь крестьяне были готовы расстаться со своей землей в пользу крупных капиталистов из-за неспособности конкурировать с продавцами дешевого хлеба, поступающего из провинций, дорогим кредитом, загоняющим их в кабалу, а также воинской повинностью, вынуждающей регулярно и на длительное время оставлять свои наделы без присмотра. Последнему особенно внимание уделил в своих лекциях М. М. Хвостов. Отмечается также и влияние на судьбу крестьянства Ганнибаловой войны, в ходе которой многие хозяйства оказались разрушенными [19, с. 162].

Относительно отличное мнение среди дореволюционных авторов высказывал в своих лекциях И. В. Нетушил. Он также рассматривал развитие капитализма как важный фактор, обусловивший разорение крестьян и размыивание социальных основ республики, но вместе с тем ставил во главу угла нравственный упадок элиты общества. В совокупности с узурпацией власти нобилитетом нравственный упадок правящих кругов обусловил проведение политического курса, направленного на удовлетворение интересов самого нобилитета и отчасти всадников, что неизбежно приводило к ущемлению интересов простого населения, способствовало разорению хозяйств, распространению ростовщичества, закабалению свободных людей [10, с. 137].

Интересно то, что именно этот подход лег в основу многих гимназических учебников того времени, например, К. А. Иванова [5, с. 259] и В. Я. Шульгина [20]. Подход хорошо укладывался в цели гимназической программы, которая должна была не только давать образование, но и иметь элементы воспитательного плана.

Ранняя советская историография выводила те же социально-экономические процессы из рабовладельческого типа устройства общества. Так, В. С. Сергеев и А. В. Мишулин связывали разорение мелких собственников и концентрацию земель в руках богачей через особенности рабовладельческого способа производства, а С. И. Ковалев объяснял кризис полиса формированием во II веке до н. э. в Риме специфического типа рабовладения [8, с. 304]. Такой подход представляется нам недостаточно убедительным, так как указанным авторам, на наш взгляд, не удалось провести достаточно четкие и обоснованные причинно-следственные связи, объясняющие действительную взаимосвязь рабовладения и кризиса полиса (стоит отме-

тить, что развитая теория кризиса полиса в советской науке будет разработана С. Л. Утченко только в 60-е годы). На наш взгляд, здесь проявляется характерная для данного времени попытка увязать рассматриваемые сюжеты с марксистским канон и вписать формационную схему.

Рассмотрев характеристику причин, вызвавших к жизни гракханские реформы в трудах как дореволюционных, так и ранних советских исследователей, мы можем перейти к вопросу оценки этих реформ с точки зрения трансформации представлений о властных структурах и политическом состоянии позднеримской республики. Безусловно, данный эпизод римской истории имел колоссальное значение, что понимали и отмечали еще античные авторы, не зря Аппиан начинает свою «Историю гражданских войн» именно с выступления реформаторов. Однако масштаб и многофакторность реформ позволяют нагляднее рассмотреть, как политический, методологический и идеологический климат влияли на оценки в науке.

Политическая система республики при Гракхах в оценках дореволюционных антиковедов

В дореволюционной науке посвятил специальное исследование деятельности Гракхов Э. Д. Гримм [3]. В своем очерке автор определил результатом политической составляющей деятельности Тиберия разрушение старого государственного строя и создание монархической власти на базе трибуната. Безусловно, называя ее монархической, автор имел в виду не наследственную передачу должности, но монархический элемент в духе греческой политической философии. Подобное властное положение Тиберий Гримм выводит в первую очередь из трибунских полномочий, которыми Тиберий воспользовался шире, чем кто-либо, сумев освободиться от ограничений коллегиального вето, парализовать работу сената и других магистратов, покусится на их традиционные полномочия. По мнению Гримма, коллегиальность и возможность наложения вето на решения своих товарищей по должности обеспечивало для политической системы «гарантию против личного произвола» [3, с. 56].

Не менее важной составляющей властного положения Тиберия Гримм считал «добрую волю народа». Под последней автор понимает то, что послушный (в некоторой мере деморализованный) народ передал заботу о себе вместе со значительной частью полномочий старшему Гракху, что предоставляло ему возможность не только отстранить сенат и магистратов от управленческих вопросов, опечатав курию и государственную казну, но и принимать решения по вопросам их компетенции вместо них. В частности, речь идет о попытке распорядиться наследием Атталы и управлением провинциями [3, с. 57–58].

Эту же мысль Гримм развивает далее, характеризуя деятельность младшего Гракха. В отличие от старшего брата, создавшего свое положение стихийно, действуя из необходимости, Гай целенаправленно стремился к подобному типу монархической власти, а также рассчитывал сохранить и укреплять свое влияние и дальше, опираясь на ту же «добрую волю народа» [3, с. 88]. Он сравнил положение младшего Гракха с Периклом, который установил в Афинах народовластие, но фактически сам руководил всем: «Как некогда Перикл установил своими законами полное народовластие, на деле руководил всеми делами, так и Гракх правил Римом так же неограниченно, как любой монарх» [3, с. 88].

При этом Гримм, полемизируя с Моммзеном, утверждал, что Гай не стремился к юридическому оформлению своего положения и тем более не собирался становиться тираном. Он идеализирует политика, разглядывая в его действиях исключительно благородные мотивы и полагая, что обретенная власть могла быть использована им только в целях улучшения положения народа. Монархический характер трибуната Гая он выводит из той же «доброй воли народа» и свободы от вето коллеги, как это было у Тиберия. Но при трибунате младшего Гракха Гримм отмеча-

ет расширение его власти за счет неоднократных переизбраний на должность и назначение самого себя руководителем всех созданных им комиссий или исполнителем всех принятых по его подаче народным собранием решений.

При такой оценке властного положения Гракхов весьма закономерным представляется то, что сенатская партия использовала в борьбе против обоих обвинения в попытке восстановления царской власти. По мнению Гримма, в какой-то момент монархизм Гая стал противен народу. На его фоне намного более «республиканским» выглядел его противник Ливий, который специально не входил ни в одну созданную им комиссию. На наш взгляд, здесь стоит обратить внимание на некоторое развитие идей, высказанных Гриммом в его последующей работе о происхождении принципата. Гримм, полемизируя с Моммзеном, полагает, что не проконсульский империй, а именно трибунская магистратура стала основой, стречнем власти Августа. Возможно, в Гракхах он видел прообраз будущего принципата, основанного на трибунских полномочиях и широкой поддержке народа [4, с. 152].

Труды Ростовцева не были посвящены специально Гракхам, но он уделил им некоторое внимание и дал две весьма различные оценки. В работе 1918 г. «Рождение Римской империи» Ростовцев говорит о том, что преодоление сопротивления сената в вопросе осуществления давно назревших и желаемых обществом реформ было бы невозможно иначе, как путем установления тирании, по типу того, как решение острых социальных вопросов в некоторых греческих полисах становится возможным только благодаря следованию этим же путем [14, с. 20]. Политическую часть доктрины «демократов» этого периода, включая Гракхов, Ростовцев оценивает иронично, приписывая им лозунг «Вся власть народному собранию» и проводя очевидные параллели с революцией в России. По мнению автора, решение наболевших социально-экономических вопросов невозможно без подобного лозунга, который рука об руку идет с попытками честолюбивых лидеров сосредоточить всю полноту власти в своих руках.

Стоит отметить, что оценки Гримма легли в основу учебника по Древней истории для гимназий Н. И. Кареева, в котором автор, называя Гая Гракха «практически единоличным правителем», сравнивает его с Периклом в Афинах, практически дословно повторяя работу Гримма [6, с. 223]. Данный учебник отличается от принятых в дореволюционной России подобных изданий вниманием к освещению политических институций. Для примера, В. Я. Шульгин или К. А. Иванов в своих учебных изданиях обошли вниманием вопросы оценки трансформации политического строя при Гракхах. Вместо этого авторы делают упор на нравственные стороны истории и поучительные примеры [5, с. 165–170; 20, с. 262–273].

Во второй половине 1920-х гг. Ростовцев заметно смягчил свою оценку событий гракханской эпохи. Так, в работе 1926 г. «The Social and Economic History of the Roman Empire» автор заметно смягчил свою оценку, обозначая политическую ситуацию того времени как народное правление под руководством одного человека [12, с. 23–24]. А в учебном пособии «A history of the ancient world. Volum II. Rome», изданном в 1928 г., автор и вовсе описывает Тиберия и Гая как искренних патриотов, честных и справедливых, стремящихся установить в Риме демократию по афинскому образцу и использующих аграрную реформу как инструмент возражения среднего класса, необходимого демократии [13, с. 105–106]. Вероятно, сравнение Гракхов с тиранами в работе 1918 г. было отчасти эмоциональным, сделанным под влиянием непринятой им революции, которую он пытался осмыслить через изучение «революции» в Риме. Однако полностью от критики Гракхов он не отказался и упрекал их в том, что избранный ими курс не мог не привести к кровавым и жестоким событиям, а вину за это возлагал на их недалекость [13, с. 115].

Альтернативный взгляд на политическое положение Гракхов мы находим в лекциях Нетушила [10, с. 138]. Он полагал, что Тиберий, отстранив от должности Октавия, установил в республике принцип «абсолютного верховенства народа», так как теперь народ мог самостоятельно принимать решения по любым вопросам, игнорируя и сенат и других магистратов: «Данная форма низложения Октавия, путем решения народного собрания, означала провозглашение абсолютного верховенства народа, дававшего затем возможность проводить через комиции какие угодно мероприятия, не сообразуясь с правами прочих факторов власти (сенат и магистратуры)» [10, с. 139]. В этом вопросе мы не можем обойти стороной очевидное упущение такой оценки. Народное собрание в республике не обладало собственной инициативой ни по вопросу собственного сбора, ни по повестке, которая будет на нем обсуждаться. Созвать народ мог только один из магистратов, он же ставил на голосование тот или иной проект, закон, вопрос. Таким образом, абсолютного верховенства народа Рим так и не получил.

По поводу деятельности Гая Нетушил высказывает мнение, что тот преследовал в первую очередь цель политическую. Он намеревался, с одной стороны, укрепить «абсолютное верховенство народа», созданное его братом, а с другой – уничтожить политический вес сената. В этом ключе он рассматривает передачу судов в руки всадников, введение откупной системы – также в интересах всадников и установление порядка назначения консульских провинций до голосования [10, с. 141–143]. При этом роль самих трибунов в новом политическом режиме никак не характеризуется Нетушилом, но, вероятно, они должны были представляться вождями обретенной демократии либо наоборот потерять какое-либо значение, как и прочие магистраты в пользу народного собрания.

Нетушил – единственный из дореволюционных авторов, кто обратил внимание на то, что у реформ Гракхов были политические последствия для республики, связанные не только с их собственной деятельностью, но и с действиями оппозиционного сената. Речь идет о введении в практику *senatus consultum ultimum*, по которому сенат мог передавать чрезвычайные полномочия одному из консулов, не назначая диктатуру. В соответствии с ним и были казнены многие сторонники Гая. В дальнейшем этот механизм будет неоднократно применяться в политической борьбе [10, с. 127].

Несмотря на то что М. М. Хвостов посвятил значительный фрагмент своих лекций истории гракханской реформы, он в большей степени подошел к ней со стороны описания основных событий и приведенных законов. Властное положение Гракхов и позиции сената он обошел своим вниманием. Отметим лишь то, что реформаторов он помещал в ряды демократической партии и часть реформ характеризовал как направленные на ослабление роли сената. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что Хвостов вслед за Нетушилом считал Гракхов вождями демократии и видел в их действиях усиление роли народного собрания в противовес ослабленному сенату [19, с. 268]. Причины поражения Гракхов Хвостов видит в отсутствии у них опоры на реальную силу, то есть армию.

Еще дальше в русле демократической оценки политической деятельности Гракхов пошел в своих работах Р. Ю. Виппер. Его нередко упрекали в излишней модернизации истории [17, с. 390–392]. В действительности ученый обнаруживал в гракханском движении коммунистические идеи и достаточно вольно интерпретировал данные источников. Однако взгляды Виппера на политическое устройство поздней римской республики нашли свое продолжение в историографии и уже поэтому заслуживают нашего интереса. Его «Очерки истории Римской империи» являются самым крупным в дореволюционной отечественной науке специальным исследованием римской истории конца II – I века до н.э. Они были изданы в 1923 г.,

но основываются на курсе лекций, читанных в Московском университете с 1901 по 1922 гг.

Виппер полагал, что с 132 по 82 годы до н.э. в Риме установилась, хоть и ненадолго, подлинная демократия по типу афинской [2, с. 45]. Здесь проявляется одно из важных отличий его концепции от других авторов, которые считали, что демократия в Риме так и не восторжествовала или закончилась со смертью Гракхов. Виппер отмечает ее внутреннюю слабость и существенные внутренние разногласия, но не склонен к тому, чтобы умалять ее политический характер. Гракхов в этом вопросе он определяет как творцов, чья деятельность изменила конституционный и институциональный ландшафт сложного республиканского порядка управления. В действиях самих реформаторов он усматривает именно политические мотивы, для которых аграрное законодательство выступило лишь поводом начать наступление на олигархический строй сената.

Представления Виппера об установлении римской демократии основаны на глубоком анализе сложной системы управления и политического веса ее элементов. Коренное изменение политического характера республики он видел в перераспределении функций между этими элементами в пользу демократических, а также первым в дореволюционной науке обратил внимание на такую составляющую реформ Гракхов, как создание новых магистратур с весьма широкими, по его мнению, полномочиями [2, с. 47–48]. В первую очередь речь идет о коллегии триумвиров, которая обладала, по его мнению, большой властью, так как, помимо перераспределения земельных участков, также имела судебные функции. Но также Виппер говорит о неких неопределённых должностных лицах, которые должны были заниматься строительством дорог к колониям, обустройством этих колоний, налаживать выдачу хлеба. И что самое главное, подчиняться непосредственно народным трибунам. Перераспределение политического веса внутри системы он видел также в наступлении демократии на судебную, финансовую и административную власть сената [2, с. 50–53]. «Гракх заявил притязания демократии на обе крупнейшие сферы государственного управления» [2, с. 53]. Сюда же он относит и введение откупной системы в провинциях. В конечном итоге даже сфера государственного строительства, традиционно управляемая сенатом через цензоров, перешла в ведение народа, когда Гай создавал дороги к своим колониям. В идеях Виппера есть скромный намек на посягательство трибунов в области военного управления. Якобы, прибыв в Африку для обустройства колонии, Гай распоряжался даже консулом, управлявшим этой провинцией, что делало его важнее высшего должностного лица республики [2, с. 64].

Таким образом, в Риме сформировалось две параллельно существующие системы управления – старая, состоящая из сената и подконтрольных ему магистратов, и новая во главе с народным собранием, трибунами и новыми магистратами, созданными специально для реализации реформ. При этом первая была полностью парализована, в то время, как все управление республикой перешло ко второй: «Высшим авторитетом над новыми должностями должны были сделаться трибуны, раньше не имевшие участия в администрации; напротив, предполагалось отстранить консулов, до тех пор стоявших во главе исполнительной власти, от пользования новыми административными кадрами. Дело явно шло к образованию двух служебных групп: одной, которая была связана со старой системой командований и заполняла собой сенат, другой, которая примыкала к народным избранникам, трибунам, и к народному собранию... При удаче для народных вождей, трибунов, открывалась перспектива устроить новую правительственную коллегию, параллельную с сенатом» [2, с. 47–48].

В то же время Виппер отмечает, что римская демократия, хоть и восторжествовала над аристократическим режимом сената, но не укрепились надолго. При-

чиной тому послужили два фактора. Во-первых, раскол внутри демократического крыла, который проявился еще во времена Гракхов. Во-вторых, Рим не имел глубоких демократических традиций в отличие от Греции, и в то же время, сенат, лишенный своей власти, по-прежнему сохранял огромный авторитет, приобретенный благодаря завоеваниям, осуществленным под его руководством. Вместо демократических традиций римский народ привык полагаться на мудрость и опыт отцов-сенаторов, что помешало закрепиться в Риме народовластие надолго.

Виппер также представил весьма оригинальный взгляд на роль личностей самих Гракхов в политической борьбе и реформах. В отличие от Гримма, считавшего, что все движение держалось на самих братьях и было невозможно без их идеализированной автором роли, Виппер не был склонен преувеличивать роль Тиберия и Гая. Признавая реформаторов лидерами движения, он тем не менее считал, что программа и действия демократической партии разрабатывались и координировались множеством участников, в числе которых были не только оппозиционные представители нобилитета, но также верхушка всадников и даже греки-философы из числа учителей и вольноотпущенников. Если для Гримма аграрная реформа не состоялась бы, не появившись на политической арене именно Гракхи, то Виппер считал, что обусловившие необходимость реформы социально-политические реалии выдвинули реформаторов из числа недовольных текущим положением дел. В этом отношении взгляды Виппера стоят ближе к оценкам советских авторов, нежели дореволюционных.

Политическая система республики при Гракхах в оценках ранних советских антиковедов

Как уже было сказано выше, ранняя советская историография не посвятила Гракхам и их политической деятельности специальных исследований, однако стоит отметить, что в работах общего характера по данному периоду истории или по вопросам социально-экономических отношений они всегда занимали особое место, вероятно, ввиду того, что сюжет их выступления наиболее наглядно вскрывает классовые противоречия в римском обществе того времени.

Мы начнем рассматривать оценки влияния Гракхов на политическую систему с работ В. С. Сергеева. Данный автор интересен тем, что его взгляд на этот вопрос существенно изменился в течение нескольких лет. В своем учебном пособии 1928 г. Сергеев весьма критично высказывается о римских реформаторах. Он утверждает, что их целью было решение только лишь аграрного вопроса, все политические решения были спонтанными и хаотичными. Следовательно, Гракхи не стремились к демократизации или свержению нобилитета целенаправленно. На этом этапе Сергеев полемизирует с теми авторами, которые сравнивали реформаторов, в особенности Гая, с греческими тиранами или Периклом, утверждая, что их сходство является лишь кажущимся, и что римские реформаторы были не более чем успешными демагогами, лавирующими между интересами разных социальных групп. Власть младшего Гракха Сергеев считает весьма шаткой и держащейся лишь на подачках и обещаниях, а не на реальном социальном базисе, как это было у Перикла [16, с. 42–43]. Также автор отвергает идею о том, что Гракхи могли бы установить монархическую власть, так как подобное невозможно без опоры на армию [16, с. 42].

В работе 1938 г. Сергеев уже не рассматривает политическую составляющую в деятельности Гракхов как спонтанную и хаотичную, прямо заявляя, что Гай преследовал свои цели: «сокрушение сената и замену олигархической конституции демократической по греческому образцу» [15, с. 178]. Объясняя мотивы младшего Гракха, Сергеев приводит явно модернизаторскую мысль о том, что изменение политического устройства реформатор считал необходимым для упрочнения власти свободных римлян над рабами, так как старый сенатский режим не мог обеспечить

эффективную их эксплуатацию [15, с. 178]. Последнее представляется нам навеянным не научным анализом материала, а попытками увязать исследуемый вопрос с формационной схемой. Так, в своем кратком курсе лекций А. В. Мишулин и вовсе выдвигает слабо аргументированный тезис, что реформы Гракхов были вызваны опасениями из-за восстания рабов на Сицилии и представляющей угрозой присоединения к ним римского пролетариата [9, с. 15].

Политическую систему, сформировавшуюся в результате деятельности Гракхов, Сергеев характеризует так: «... перестраивался государственный аппарат, исчезали догосударственные учреждения, утратили свое значение одногодичные коллегиальные магистратуры, а руководящая роль во внешней и внутренней политике от сената переходила к комициям, возглавляемым народным трибуном» [15, с. 185]. Таким образом, автор изменил свои взгляды, признав существенные изменения в политическом строе Рима.

В некоторой степени более глубокий взгляд на деятельность Гракхов в ранней советской историографии представил С. И. Ковалев. Он также упоминает восстание рабов как один из факторов, мотивировавших реформаторов, но не ставит его во главу угла. Здесь просматривается стремление автора соблюсти формальные требования к науке своего времени, но при этом сохранить приверженность фактам. Подход Ковалева к оценке политического строя республики при Гракхах весьма интересен тем, что он совместил отчасти демократический подход Нетушила и монархический Гримма (хотя автор и не ссылается на них), представив свою концепцию демократической диктатуры.

Ко времени второго трибуната Гая сенат и магистраты утратили контроль над значительными сферами государственного управления (финансы, строительство, управление провинциями), и в то же время власть трибуната и народного собрания возросла как никогда. Младший Гракх лично руководил огромным количеством вопросов и мог принять практически любое государственное решение или закон, поэтому Ковалев оценивает его положение как диктатора (в римской трактовке). Но это была не традиционная диктатура из прошлых веков Рима, объявляемая сенатом в интересах правящего класса, но диктатура демократическая, так как каждое действие политика было санкционировано народом: «Гай был всемогущим народным трибуном, аграрным триумвиром, ему принадлежало руководство большими общественными сооружениями, от него зависела целая армия подрядчиков и агентов. Он был настоящим диктатором. Но это была диктатура демократическая, так как ни одно крупное мероприятие не проходило без санкции полномочного народного собрания. Сенат и магистраты не играли никакой роли, хотя Гай старался по возможности с ними ладить» [7, с. 347]. В целом значение политической стороны реформ Гракхов для республики Ковалев оценивает как попытку установления демократии афинского типа, но попытку краткосрочную и не закрепившуюся: «Одно мгновение могло показаться, что сенаторской олигархической республике нобилей приходит конец и ее сменяет развитая античная демократия типа афинской» [7, с. 352].

Стоит отметить, что подобный подход Ковалев сформулировал именно в работе 1948 г., так как в более ранних трудах автор не заострял внимание на политической системе и ее изменении в ходе реформ. Он лишь вскользь упомянул о демократизации и создании условий для дальнейшего развития народовластия как о побочных результатах. Еще в 1937 г. деятельность Гракхов рассматривалась Ковалевым как один из эпизодов революции рабов. Понимая, что Гракхи не могли стремиться к подобной цели, он полагал, что социальный состав сторонников их движения направил реформаторов по такому пути: «крестьянская база Гракхов – независимо от их субъективных стремлений – толкнула их на революционный путь» [8, с. 180].

Заключение

В заключение нашего исследования можно отметить, что после революции в России внимание и интерес к данной проблематике в некоторой степени снизился. С одной стороны, часть историков-антиковедов иммигрировала, с другой – установление принципиально новой парадигмы в отечественной науке обусловило смену вектора интересов ученых. Ввиду чего ранняя советская историография посвятила меньше внимания исследованию политического устройства поздней римской республики в контексте гракханской революции и внесла меньший вклад в его изучение.

Дореволюционная историография представила различные оценки политической деятельности Гракхов и их влияния на государство: от положения, близкого к монархическому, до творцов настоящей демократии афинского типа. Дореволюционные ученые выказали самые разнообразные представления о характере политических целей реформаторов – от стихийного изменения политического ландшафта в ходе борьбы за реформы до целенаправленной попытки перестройки системы государственного управления, и поэтому их деятельность представляется нам более плодотворной. Ранняя же советская наука единогласно давала схожую оценку реформам Гракхов, называя их несостоявшейся попыткой установления демократии и ее невозможности в условиях развитого рабовладения. На наш взгляд, плюрализм взглядов дореволюционных авторов объясняется тем, что в Российской империи было меньше идеологических факторов, устанавливающих рамки для научного творчества ученых. В этом отношении смена эпох российской истории существенно повлияла на представления антиковедов о власти в Древнем Риме.

Список источников и литературы

1. Алмазова Н. С. Единая концепция истории древности Р. Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2019. Т. 20. С. 264–287.
2. Виппер Р. Ю. Очерки истории римской империи. Берлин: Гос. изд-во Р.С.Ф.С.Р., 1923. 434 с.
3. Гримм Э. Д. Гракхи, их жизнь и общественная деятельность: биограф. очерк. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1894. 98 с. (Жизнь замечательных людей. Биограф. б-ка Ф. Павленкова).
4. Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1: Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб.: Тип. А. А. Стасюлевича, 1900. 517 с. (Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета; Т. 55).
5. Иванов К. А. История древнего мира. Изд. 5-е с 64-мя рис. СПб.: Изд-во «Петербургский ученый магазин», 1907. 259 с.
6. Кареев Н. И. Учебная книга древней истории. 7-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 309 с.
7. Ковалев С. И. История Рима. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1948. 808 с.
8. Ковалев С. И. История античного общества: Греция. Эллинизм. Рим. Ч. 2. Л.: Соцэкгиз, 1936. 316 с.
9. Мишулин А. В. Курс всеобщей истории: Древняя история. Лекция 17 и 18: Восстание рабов и аграрное движение Гракхов; Сулланская реакция: стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940-1941 учеб. году. М., 1940. 32 с.
10. Нетушил И. В. Обзор римской истории по лекциям, читанным в императорском Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: кн. маг. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 376 с.

11. Протасова С. И. Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. М.: Мысль, 1923. С. 29–40.
12. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1926. 695 p.
13. Rostovtzeff M. History of the ancient world. Vol. 2: Rome. Oxford: University Press, 1928. 386 p.
14. Ростовцев М. И. Рождение Римской Империи. М.: Кн. находка, 2003. 157 с.
15. Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Ч. 2: [Империя]. М.: ОГИЗ, 1938. 372 с.
16. Сергеев В. С. История древнего Рима. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л.: Госиздат, 1925. 403 с.
17. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историогр. очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 554 с.
18. Хвостов В. М. История Римского права. 7-е изд. М.: Моск. науч. изд-во, 1919. 478 с.
19. Хвостов М. М. История Рима: конспективное изложение лекций пр.-доц. М. М. Хвостова, читанных в 1906/7 академ. году. Казань: Тип. И. Н. Харитонов, 1907. 299 с.
20. Шульгин В. Я. Курс истории древнего мира для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений, составленный В. Шульгиным. 6-е изд. Киев: Унив. тип., 1865. 340 с.

References

1. Almazova, NS 2019, 'Yedinaya kontseptsiya istorii drevnosti R. Yu. Vippera v yego rabotakh dorevolutsionnogo perioda' (A general concept of ancient history of Robert Yu. Vipper in his works of the pre-revolutionary years), *Aristey: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* (Aristeas: journal of classical philology and ancient history), vol. 20, pp. 264-287. (In Russ.)
2. Vipper, RYu 1923, *Ocherki istorii rimskoy imperii* (Essays on the history of the Roman Empire), Gos. izd-vo R.S.F.S.R. publ, Berlin. (In Russ.)
3. Grimm, ED 1894, *Grakkhi, ikh zhizn i obshchestvennaya deyatel'nost* (Gracchi, their life and social activities), Tip. tovarishchestva "Obshchestvennaya polza" publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Grimm, ED 1900, 'Rimskaya imperatorskaya vlast ot Avgusta do Nerona' (Roman Imperial Power from Augustus to Nero), *Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoy imperatorskoy vlasti* (Research on the history of the development of Roman imperial power), vol. 1, *Zapiski istoriko-filologicheskogo fakulteta S.-Peterburgskogo universiteta*, vol. 55, Tip. A. A. Stasyulevicha publ, St. Petersburg, p. 152. (In Russ.)
5. Ivanov, KA 1907, *Istoriya drevnego mira* (The history of the ancient world), 5th edn, Petersburgskiy uchyonyy magazine publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Kareyev, NI 1909, *Uchebnaya kniga drevney istorii* (Textbook of ancient history), Tipografiya M. M. Stasyulevicha publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Kovalev, SI 1948, *Istoriya Rima* (The History of Rome), Izd-vo Leningradskogo un-ta publ, Leningrad. (In Russ.)
8. Kovalev, SI 1937, *Istoriya antichnogo obshchestva: Gretsiya. Ellinizm. Rim* (The history of ancient society: Greece. Hellenism. Rome), part 2, Sotsekgiz publ, Leningrad. (In Russ.)
9. Mishulin, AV 1940, 'Kurs vseobshchey istorii: Drevnyaya istoriya. Lektsiya 17 i 18: Vosstaniye rabov i agrarnoye dvizheniye Grakkhov; Sullanskaya reaktsiya' (Course in General History: Ancient History. Lectures 17 and 18: The slave uprising and the agrarian movement of the Gracchi. The Sullan reaction), *Stenogramma lektsiy, pročitannykh v Vysshey Partynoy shkole pri TSK VKP(b) v 1940-1941 ucheb. godu* (A transcript of lectures given at the Higher Party School under the the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks in the 1940-1941 academic year), Moscow. (In Russ.)
10. Netushil, IV 1916, *Obzor rimskoy istorii po lektsiyam, chitannym v imperatorskom Kharkovskom universitete i na Kharkovskikh Vysshikh zhenskikh kursakh* (Review of Roman history based on lectures given at the Imperial Kharkov University and at Kharkov Higher Women's Courses), kn. mag. T-va A. S. Suvorina «Novoye vremya» publ, Kharkov. (In Russ.)

11. Protasova, SI 1923, 'Borba obshchestvennykh idealov v Rime v epokhu Grakkhov' (The struggle of social ideals in Rome in the era of the Gracchi), *Iz dalekogo i blizkogo proshlogo* (From the distant and near past), Mysl publ, Moscow, pp. 29-40. (In Russ.)
12. Rostovtzeff, M 1926, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Clarendon Press publ, Oxford.
13. Rostovtzeff, M 1928, 'Rome', *History of the ancient world*, vol. 2, University Press publ, Oxford.
14. Rostovtsev, MI 2003, *Rozhdeniye Rimskoy Imperii* (The Birth of the Roman Empire), Knizhnaya Nakhodka publ, Moscow. (In Russ.)
15. Sergeyev, VS 1938, *Ocherki po istorii drevnego Rima* (Essays on the history of ancient Rome), part 2, OGIZ publ, Moscow. (In Russ.)
16. Sergeyev VS 1925, *Istoriya drevnego Rima* (The history of ancient Rome), 2nd edn rev, Gosizdat publ, Leningrad. (In Russ.)
17. Frolov, ED 1999, *Russkaya nauka ob antichnosti* (Russian science of antiquity), Izd-vo S.-Peterb. un-ta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Khvostov, VM 1919, *Istoriya Rimskogo prava* (History of Roman Law), Moskovskoe nauch. izd-vo publ, Moscow. (In Russ.)
19. Khvostov, MM 1907, *Istoriya Rima: konspektivnoye izlozheniye lektsiy pr.-dots. M. M. Khvostova, chitannykh v 1906/7 akadem. godu.* (History of Rome: summary of lectures by pr.-assoc. M. M. Khvostov, read in 1906/7 by academ. Year), Tip. I. N. Kharitonova publ, Kazan. (In Russ.)
20. Shulgin, VYa 1865, *Kurs istorii drevnego mira dlya vospitannikov i vospitannits srednikh uchebnykh zavedeniy, sostavlennyy V. Shulginym* (A course on the history of the ancient world for male and female students of secondary educational institutions, compiled by V. Shulgin), 6th edn, Univ. tip.publ, Kyiv. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026
Одобрена после рецензирования: 01.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 21.04.2026
Approved after reviewing: 01.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026